

УДК 115

А.В. Попова

БЕЗОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ВРЕМЕНИ

Рассматриваются основания проблем времени, связанные с построением бессмысленных предложений с этим знаком. Тем самым отмечена еще одна возможность взаимодействия аналитической и феноменологической традиций. Показано, что разные методологии привели к пересекающимся выводам о существенном свойстве времени, об отсутствии оснований для некоторых проблем времени.

Ключевые слова: *время, контекстуальность, приуроченность, бессмысленные предложения.*

Время как тема представляет собой необычный и загадочный феномен, которому посвятило себя множество ученых, философов, художников. Самая обыкновенная идея, которой мы пользуемся изо дня в день, при помещении ее в центр внимания вызывает противоречивые чувства, вопросы, связанные с темой времени, приводят в замешательство, представляют собой тайну для человека. Но имеет ли эта загадочность достаточные основания для своего существования, или всего лишь человеческая суэта вокруг феномена приписала ему это свойство. Изучая время, мы тем самым изучаем человека и мир, неизбежно погруженные во время. Понимание времени имеет первостепенное значение для эмоциональной, интеллектуальной и практической деятельности человека.

Чтобы подступиться к любой проблеме, чтобы только начать нечто определять, необходимо и проще всего для начала при беглом взгляде на историю проблемы задать область несущественных, незначимых свойств, потому что при обращении к ним возникают псевдопроблемы. Возможность задать некоторый вопрос, соединить некоторым ранее повторяющимся образом слова между собой еще не означает, что вопрос соответствует реальному положению вещей, действительности и требует своего ответа.

Витгенштейн так выразил кредо философии – это борьба против очарования, которые оказывают на человека формы выражения. Сложность в том, что невозможно, чтобы слова выступали двумя различными способами: отдельно и в предложении, время само по себе и в соединении с другим.

Никто уже не отрицает возможность продуктивного диалога между феноменологической и аналитической традициями. Здесь, в проблематике времени видим еще одну точку, где Витгенштейн и Хайдеггер путями разной длины пришли к единым выводам, однако сформулированным на «разных», своих собственных языках – феноменологической герменевтики Мартина Хайдеггера и языковой прагматики Витгенштейна.

Контекстуальность времени

Впервые время у Витгенштейна ясно упоминается здесь: «Пространство, время и цвет (цветность) есть формы объектов» [1. Тезис 2.02511]. В этом тезисе он говорит, что время есть форма объектов. Временность, используя

---

¹ Здесь и далее в ссылках на «Логико-философский трактат» указывается номер тезиса.

теперь язык Хайдеггера, – это возможность, источник времени, внутреннее свойство. Для Гуссерля временность – внутреннее свойство переживаний – необходимая форма, связывающая переживания между собой. «Всякое действительное переживание (мы осуществляем такую очевидность на основе ясного интуирования переживаемой действительности) – необходимо длится, а вместе с длительностью оно входит в бесконечный континуум длительностей – и заполненный континуум» [2. С. 255]. Возможность вхождения объекта в ситуацию, в атомарный факт есть форма объекта, форма здесь аналогична логическому пространству. Логическое пространство и физическое пространство нетождественны. Наравне со временем пространство и цвет в этом тезисе являются формой. Витгенштейн не конструирует временность в «Логико-философском трактате», но по аналогии с цветом и пространством можно предположить, что если объекты окружены бесконечным пространством и цветным пространством (2.0131), то они также окружены, так сказать, «нитями времени», временным пространством.

Временность подобна бесцветности объектов. Между прочим, объекты бесцветны (2.0232). Материальные свойства, прежде всего, изображаются предложениями – прежде всего, образуются в конфигурации объектов, временность перетекает во внешнее качество, во время. Обычные средства выражения не ухватывают временность, не ухватывают временные объекты в их постоянных переходах, со всеми градациями, соединениями. «То же время, какое по мере сущности принадлежит переживанию как таковому, – время с его модусами данности: “теперь”, “до”, “после”, модально определяемые “одновременно”, “одно после другого” и т.д., – это время (*феноменологическое/временность*) не измерить ни положением солнца, ни с помощью часов, ни какими-либо средствами физики, – что вообще нельзя измерить» [2. С. 253]. Грубо можно провести параллель между различием феноменологического, любого проживаемого опыта, внутри единого чистого Я и объективного времени, времени мира, реального времени, времени природы в смысле естествознания у Гуссерля и различием временности и времени как внешнего свойства у Витгенштейна. Затем возникает необходимость ввести числа в структуру предложения, которые раскроют время как внешнее свойство, время как оно действительно входит в атомарный факт, соединяется с объектами. Время проявляется, актуализируется только в конфигурации объектов, в части опыта субъекта, в отношениях между объектами (например, в отношении «раньше чем» «позже чем» на месте предиката).

Знание времени как формы объекта задает область семантического знания, т.е. знания о возможности фактов, в структуру которых входит данный объект. Оно может быть сформулировано в виде аналитического знания, т.е. совокупности аналитических суждений. Семантическое знание априорно и полно (2.014). Не это ли пытался сказать Августин своими знаменитыми словами: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [3. С. 183], просто у него еще не было ясного словаря. Внутреннее свойство, форма – это условная конструкция, которая, кажется, отражена грамматикой слов и не предполагает эмпирического знания о свойствах соот-

ветствующего объекта. Правила грамматики диктуют закономерности построения правильных осмысленных речевых отрезков. Движение от мира к языку, исключение мира и задает семантику, открывает семантическое знание. На этом пути, уровне знак зависит от контекста. Так как контекст задается синтаксисом, получается, что семантика включает в себя синтактику. Синтаксис проявляет себя в конфигурации объектов, т.е. в фактах и с учетом изоморфизма мира и языка в конфигурации знаков. Витгенштейн в тезисе 1.1 «Логико-философского трактата» вводит принцип контекстуальности: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей». «Этот онтологический тезис о зависимости объекта (вещи) от факта – с учетом изоморфизма между онтологической структурой мира и логико-семантической структурой языка – представляет собой точный эквивалент логико-семантического тезиса о зависимости значения имени от смысла предложения» [4. С. 38], от отношений знаков друг к другу. Знак не может быть полностью самостоятельным, самодостаточным. Но синтаксис как часть грамматики не совершенен и позволяет построить бессмысленные предложение, поэтому приемлемость или неприемлемость предложений должна устанавливаться прагматически (2.222).

Расхожее понимание времени и исходная временность Хайдеггера параллельны времени как внешнему и внутреннему свойству Витгенштейна соответственно. Расхожее понимание времени всегда исчислено и выговорено. Временность выговаривает себя в «теперь», «тогда» и «потом».

Значимость, ценность времени понимается как «ради» и «для-того-чтобы», как условная пригодность, т.е. подходящее или неподходящее время. Время значимо, потому что оно в своем расхожем понимании всегда что-то. Ценность изначально задается из собственного модуса существования как некоторого центра.

«Если я говорю “теперь”, я всегда приговариваю при этом, не выговаривая членораздельно, “теперь-вот то-то и то-то”. Если я говорю “потом”, я подразумеваю всегда ‘потом, когда...’. Если я говорю “тогда”, я имею в виду “тогда, когда...”» [5. С. 346]. Времена и сроки могут оказаться неопределенными, расплывчатыми и ненадежными. «Теперь-вот», «тогда, когда...» и «потом, когда...» в соответствии со своей сутью соотношены с сущим, движение направлено от языка к миру, оно задает срок приуроченному. Соотнесение с сущим, отсылка одного времени к другому, к практикам во времени, к целям этих практик конститутивны для времени. Система этих отсылок собирает в себе все свойства времени: значимость, приуроченность, протяженность, публичность.

Приуроченность времени открывает его контекстуальность. Время всегда выговаривается в приуроченности с чем-либо другим. Она задает отношение, привязывает время к чему-то еще, более-менее датированному. Приуроченность формирует контекст, из которого может быть понята если не точная и однозначная календарная дата, то определенный отрезок времени. Приуроченность снимает неопределенность. Для Гуссерля очевидно, что ни одно конкретное переживание не может иметь значение полностью самостоятельного, оно не может быть наличным. Несамостоятельность переживания, включенность его в поток переживаний, взаимосвязь переживаний в потоке сознания совпадают с приуроченностью выговариваемого времени (с контек-

стуальностью времени). Дом переживается вместе со своим окружением, сознанию свойственно выделять фигуру на некотором фоне. «Из наших размышлений мы можем вынести также и то эйдетически значимое и очевидное положение, что ни одно конкретное переживание не может иметь значения в полном смысле самостоятельного. Любое переживание «требует дополнения» в отношении взаимосвязи – по виду и форме не произвольной, но связанной» [2. С. 260]. Хотя Гуссерль и уловил идею контекстуальности переживаний, он не смог отказаться от абсолютного источника этих переживаний, он не был достаточно радикален.

Приуроченность времени связана с подручностью, приуроченность очевидно показывает, что «теперь» на самом деле не находится в наличии как внутримировые вещи. «Тем самым вовсе не говорится, что время, отсчитываемое на часах, представляет собой нечто имеющееся в наличии как внутримировые вещи» [5. С. 345]. Время, связанное с миром, с присутствием, не есть природное время, строго говоря, нет никакого природного времени. Вспомним Витгенштейна: «Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира» (5.632). «Теперь» становится средством для чего-то еще, т.е. подручным, телеологичным. «В экзистенциальной аналитике “Бытия и времени” Хайдеггер в качестве опоры языка и вообще знаковости фактически утверждает ту сеть отсыланий чего-то к чему-то, что образует для Dasein внутримировое сущее в его “подручности”» [6. С. 53]. Подручность в своем специфическом, узком смысле как приуроченность, как контекстуальность придает значение времени. Каждый момент времени приобретает значение в соотноении с последующим и предыдущим.

Коммуникативное измерение значения выговариваемого времени находится в его публичности. Она отражает несобственность и несамостоятельность времени, его своеобразную объективность и его неясную связь с наличностью. «Когда один из нас говорит: “теперь”, мы все это “теперь” понимаем, хотя, возможно, каждый из нас приурочил это теперь к некоторой иной вещи или иному событию: “теперь-вот профессор говорит”, “теперь-вот студенты записывают” или “теперь, утром”, “теперь, в конце семестра”. Нам вовсе не требуется согласованности в том, к чему приурочено выговоренное “теперь”, чтобы понять его как “теперь”. Выговоренное “теперь” в бытии-друг-с-другом понятно каждому» [5. С. 349]. Доступность времени для любого вместе с различием в приуроченности характеризует время как избыточное. Через эту избыточность время получает своеобразную объективность.

Итак, контекстуальность отчетливо проявляется во времени как внешнем свойстве Витгенштейна и в расхожем понимании времени Хайдеггера.

Обесмысленные псевдопредложения со словом «время»

Анализ языка не претендует на полноту, потому что позволяет появляться обесмысленным псевдопредложениям, а, следовательно, и псевдопроблемам. Границы языка очерчивают границы моего мира и моей жизни, моего времени не только в смысле времени моей жизни, но и временных объектов как объектов моего опыта (5.6–5.641).

Начиная с кембриджских лекций, Витгенштейн пытается снять чары времени, связанные с формой его выражения. Представьте реку, по которой сплавляют лес, бревна друг от друга на одинаковом расстоянии. Мы можем описывать события следующим образом: «Я обедал, когда проплывало 105-е бревно». Время, за которое мимо нас проплывают бревна со 120 по 130, может показаться равным времени, за которое мимо нас проплывают бревна со 130 по 140, хотя, измеренные по часам, эти интервалы не будут равны. Представление о времени как о реке вводит в заблуждение. Вопрос, имеет ли время начало или конец, возникает из-за этого переноса. В нем подразумевается и начало реки, ее исток, и конец реки, когда она впадает в море или океан. Вместо метафорической реки, потока, течения времени вопрос ставится так, как если бы это была буквальная река, что порождает так называемую категориальную ошибку. Эти вопросы на самом деле оказываются бессмысленными, за пределами логического пространства и порождают псевдопроблему, хоть на первый взгляд и кажутся осмысленными.

«Время» как существительное ужасно запутывает. Хочется спросить, когда или даже кем было создано время, но этот вопрос бессмысленный, так же как и вопрос о создании «до» или «после». Нам хочется воспринимать время как объект (например, стул, кто, как и когда сделал этот стул), его грамматика это подсказывает, но это не так. Грамматика – некоторый скрытый набор правил, который используется, но не высказывается, но следует помнить, что для Витгенштейна это не грамматика обычного языка. Феноменология – это грамматика как внутреннее, априорное первичного опыта, простых объектов. В «Голубой книге», конспекте лекций, прочитанных в 1933–34 гг., Витгенштейн говорит, что философы вновь и вновь повторяют одну и ту же ошибку говорят о чем-то в терминах, ему не свойственных, ищут и находят нечто скрытое, но проявляющееся внешне, что можно увидеть извне, но внутрь чего заглянуть нельзя. После отрицания восприятия времени как эмпирического объекта следует его восприятие как интеллигибельного объекта, после осознания бессмысленности вопросов о ремесленнике, некогда и некоторым образом создавшем время, возникает вопрос о волшебнике, творце, боге, его создавшем, но опять же грамматика слова «время» не приписывает ему мистичность, божественность. Грамматика слова «время» противоречива. В грамматику слова «время» включено «быть измеренным», но следует помнить, что последнее может иметь два значения применительно к конфигурациям объектов (длина, высота, ширина, объем, расстояние и т.д.) и применительно ко времени, и аналогия между этими структурами кажется неоправданной. Заблуждение возникает из-за форм выражения обыденного языка. Идея времени всегда существует вместе с идеей измерения времени.

В «Коричневой книге» он говорит, что, если посмотреть на роль, которую на самом деле играет слово в нашем языке, рассмотреть все языковые игры без исключения, путаницы можно избежать. Как научить языковой игре, в которую включено то, что мы называем временем? Проблематичность и мистичность времени появляются в бессмысленных предложениях, т.е., согласно логике Трактата, в неверной конфигурации объектов, в конфигурации, выходящей за пределы логического пространства. «Куда уходит настоящее, когда оно становится прошлым и где находится прошлое?» [7.

С. 152]. К путанице приводят символизм, аналогия. Значит, не имеет смысла говорить о начале и конце времени, это нонсенс, об этом следует молчать, это вовсе не представляет интереса.

«Временность изначально временит из будущего. Изначальное время конечно» [8. С. 400]. Как и почему временность временит из будущего? Получилось ли у Хайдеггера нарушить линейность времени и обратить его вспять?

Будущее как источник временности загадочно. Будущее состоит из случайных событий, за исключением одного. Если видеть будущее через смерть, то оно становится меньше похоже на время, снимается случайность и единичность, сменяются полюса определенности/неопределенности. Для будущего смерти соответствует модальный оператор необходимости. Такое будущее однозначно определено. Высказывания о том, что свершается по необходимости, будут истинны или ложны независимо от времени их произнесения, написания. Если будущее определено, то его нельзя изменить, оно необходимо. Так получается, что все включено в контекст бытия к смерти. С этой стороны временение к смерти, утверждение о неизменном печальном будущем положении дел в этом случае похоже на утверждение о настоящем, это констатация будущего положения дел. В таком случае реальность будущего – это то же самое, что реальность актуального настоящего.

Время получает бесконечность двумя способами. Во-первых, составлением последовательности из «теперь», «теперь уже не», «теперь еще не», как некоторой наличной последовательности. «Теперь» все время движется к «теперь уже не», в прошлое, в удержание и одновременно все время настаивает и ожидает. Этот регресс связан с расхожим пониманием времени, эмпирический регресс, в котором нет опыта об абсолютной границе. Время в таком случае оказывается вечным настоящим, которое включает настоящее, и в котором мы сейчас находимся, и все настоящее, что было, есть и будет когда-то настоящим. Настоящее, которое не уходит в прошлое, есть вечность, бесконечность. «Иногда можно сказать, что только настоящее существует, что оно впитывает в себя прошлое и будущее, сжимает их в себе и, двигаясь от сжатия к сжатию, со все большей глубиной достигает пределов всего Универсума, становясь живым космическим настоящим. Достаточно двигаться в обратном порядке растягивания, чтобы Универсум начался снова, и все его моменты настоящего возродились. Итак, время настоящего – всегда ограниченное, но бесконечное время – бесконечно потому, что оно циклично, потому, что оживляет физическое вечное возвращение как возвращение Того же Самого и – этическую вечную мудрость как мудрость Причины» [9. С. 91]. Значимость и приуроченность для такого понимания времени закрыты. Но они же, в свою очередь, будучи открытыми, они ведут к бесконечности вторым способом. Хайдеггер сумел отгородиться от бесконечности, сказав, что временность изначально временит из будущего. А поскольку наиподлиннейшее будущее для вот-бытия – это смерть, то смерть и являет собой онтологический горизонт времени. Но, с другой стороны, интересно, какой смысл придает этот горизонт. Будущее как предрешенное для всех, как последняя приуроченность всего движения очерчивает границу временности, не позволяет ему быть бесконечным. Но такая граница либо приписывает весьма пессимистичный смысл любому настоящему, либо не приписывает его вовсе.

Очевидно, что будущее представляет собой чаще несобственный модус существования, а, следовательно, часто и не придает настоящему смысла. Эдит Штайн так комментировала концепцию времени Хайдеггера после выхода в свет «Бытия и времени»: «Остается неясным, почему будущее, которое Хайдеггер рассматривает как, в конечном счете, решающий экстаз времени, дает вот-бытию смысл, если этот смысл состоит только в познании мимолетности и ничтожества собственного бытия и рожденной отсюда заботы. Отчего же это не забота о полном вот-бытии, о способе бытия исполненности (осуществленности – *Erfüllung*) как движущем мотиве экзистенции? В этом случае настоящее получило бы другую оценку, так как именно настоящее есть подлинное место вторжения уже отчасти постигнутой осуществленности, есть «беглая вспышка вечного света» [8. С. 408].

Знакомые повседневные словосочетания «скучающий до смерти», «смертельно скучно», «смертная тоска» отражают современную ситуацию. Английская грамматика лучше, чем русская, отражает направление, предел, горизонт скуки (*bored to death, to tears*, скучание к смерти). Легко представить человека, который в каждый момент времени предпочитает смерть, конец любой практике, отсутствие цели, при таком положении дел настоящее не приобретает смысл из будущего. Смертельная скука всегда с чем-то соотносена, приурочена, а также значима и публична. Например, «Книгу читать не советую. Смертельно скучно» или «Но из-за того что все сводится к конкретным срокам и цифрам – столько-то денег и столько-то лет, становится как-то смертельно скучно» [10]. Вопрос остается открытым, как далекое будущее может пробуждать настоящее, придавать ему смысл?

Рассмотрели идеи Витгенштейна и Хайдеггера с некоторыми отсылками к Гуссерлю и другим. Разные методологии приводят к пересекающимся выводам. Многие в проблематике времени, связанное с использованием неверного контекста, снимается: создание и создатель времени, архив прошлого и загадочное хранилище будущего, бесконечность времени. Кроме того, возникает предчувствие, что временность не требует онтологических обязательств, не требует существования сущностей определенного вида, тем более что вечность, абсолют исключен из времени, для подлинной временности характерна конечность, здесь можно увидеть исток феноменологической онтологии. Нет онтологической пропасти между временностью и расхожим пониманием времени. Временность не накладывает ограничений. Исключение из рассмотрения метафизических проблем, таких как существование и природа внешнего мира, не требует построения онтологии естественного мира. Все, что необходимо временности, – это экстазис, смещение, достаточно одного-единственного.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
2. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. 489 с. (Философские технологии).
3. *Блаженный Августин.* Исповедь / пер. М.Е. Сергеев; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. 373 с.

4. Борисов Е.В. Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 320. С. 38–44.
5. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
6. Евстропов М.Н. Некрогенеалогия смысла: Гегель, Хайдеггер, Бланшо. Сообщение I // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 351. С. 50–57.
7. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / пер. с англ. В.А. Суровцева, В.В. Иткина. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. 256 с.
8. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006
9. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М.Д. Фуко *Theatrum philosophicum* / пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Popova Alena V. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

GROUNDLESSNESS OF PROBLEMS OF TIME

Keywords: time, contextuality, datability, senseless sentence

The article is dedicated to senseless sentences with the word «time». Opportunity to combine words together does not mean that the resulting sentence will be sensible. The basis of the philosophical problems connected with the wrong placing a sign «time» in the context of the sentence. Methodologies of analytical and phenomenological philosophy express one essential feature of time on their own different languages, dialects: contextuality and datability. Questions about the beginning and the end of time, about when and by whom it was created, about mysterious «archive» of past and future are senseless, nonsense. Natural language allows you to build senseless sentences, so the acceptability or unacceptability of sentences should be established pragmatically. It is essential for senseless sentences that it does not admit of the possibility proof / refutation. But besides the illusory nature of these problems shows that the possibility and the necessity to build ontology of the natural world do not arise.

References

1. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by D. Lakhuti. Moscow: Nauka Publ., 1958.
2. Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Translated from German by A.V. Mikhaylova. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2009. 489 p.
3. Augustine of Hippo. *Ispoved'* [Confession]. Translated from Latin by M.E. Sergeenko. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 373 p.
4. Borisov E.V. Pragmatic theory of meaning in Wittgenstein and Heidegger. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009, no. 320, pp. 38–44. (In Russian).
5. Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [The basic problems of phenomenology]. St. Petersburg: Higher Religious philosophical School Publ., 2001. 445 p.
6. Evstropov M.N. Necrogenealogy of sense: Hegel, Heidegger, Blanchot. Part 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 351, pp. 50–57. (In Russian).
7. Wittgenstein L. *Golubaya i korichnevaya knigi: predvaritel'nye materialy k "Filosofskim issledovaniyam"* [The blue and the brown book: preliminary materials to "Philosophical Investigations"]. Translated from English by V.A. Surovtsev, V.V. Itkin. Novosibirsk: Siberian University Publ., 2008. 256 p.
8. Gaydenko P.P. *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeyskoy filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2006. 464 p.
9. Deleuze G. *Logika smysla* [Logic of Sense]. Translated from French by M.D. Foucault. In: *Theatrum philosophicum*. Moscow: Raritet Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 1998. 480 p.
10. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.